

Гу Суйчжи заговорил быстрее, словно пытаясь оправдаться:

— Клянусь, если смешать эти два снадобья, почувствуешь лишь легкий жар — меридианы начнут восстанавливаться. Иного эффекта быть не должно.

Линь Му изо всех сил старался сохранить самообладание. Он осторожно поставил чашку на стол, боясь, что дрожь в пальцах выдаст его или, чего доброго, привлечет ненужное внимание.

— Вы полагаете, — процедил он, — что после всего случившегося я могу верить вашему слову?

Гу Суйчжи на мгновение задумался.

— Ну... если рассуждать здраво...

Линь Му до боли впился ногтями в ладони. Резкая вспышка боли помогла прояснить сознание, туманящееся от странного жара. Он резко поднялся и, не оглядываясь, поспешил наверх.

«Суждено ли ей вырасти счастливой?»

Мо Сюнь замер с полуоткрытым ртом, растерянно глядя на Гу Суйчжи. С ветки над ними сорвался багряный лист. Покружившись в воздухе, он мягко опустился на плечо евнуха. Тот скосил глаза, небрежным движением смахнул лист и снова уставил взор на принца.

— Так что же, Ваше Высочество?

Мо Сюнь не мог разгадать, к чему клонит этот человек. Опасаясь, что любой ответ может вызвать недовольство, он выбрал самый туманный и, как ему казалось, безопасный путь:

— У каждого свое счастье... — пробормотал он, стараясь выглядеть как можно глупее. — Может, ей кажется, что она счастлива, а другие так не думают. А может, ей горько, а со стороны — одна благодать. А может, она и счастлива, а может, и нет...

Гу Суйчжи: «...»

Он невольно коснулся пальцами виска, который начал ощутимо пульсировать.

— Остолоп, — выдохнул он.

Разумеется, «остолопом» был Мо Сюнь. Впрочем, и сам Гу Суйчжи вряд ли мог похвастаться великим умом, раз затеял подобные философские беседы с дураком.

Мо Сюнь захлопал глазами, изображая полное непонимание:

— Остолоп? Где? Кто остолоп?

Гу Суйчжи криво усмехнулся.

— А вы как думаете, Ваше Высочество? — вкрадчиво спросил он.

Мо Сюнь лишь радостно осклабился:

— Точно не я! Я-то у нас умный!

Гу Суйчжи решил не продолжать этот бессмысленный спор. Он обернулся к няньке и властным жестом велел забрать принцессу. Женщина тут же бросилась исполнять приказ.

Странно, но стоило няньке коснуться ребенка, как маленькая принцесса, до того мирно лежавшая на руках у Мо Сюня, истошно зашлась плачем. Нянька перепугалась до смерти, боясь прогневать всемогущего Чжаньиня, и поспешно прижала дитя к себе.

Однако Гу Суйчжи и не думал гневаться. Напротив, он протянул руку, поправил задревшийся рукавчик на детском платъице и бросил:

— Проголодалась, должно быть. Неси к кормилице.

Когда нянька скрылась из виду, Мо Сюнь и Гу Суйчжи остались одни. Тишина, воцарившаяся между ними, казалась почти осязаемой. Евнух рассматривал принца с какой-то странной, пугающей усмешкой, словно взвешивая в уме очередную идею.

Мо Сюню стало не по себе под этим взглядом. Он принялся увлеченно разглядывать собственные ногти и пробормотал:

— Гу Суйчжи, ты... ты что, детей любишь?

Евнух явно не ожидал такого вопроса. Он вскинул брови, и в его глазах блеснул опасный огонек. Вместо ответа он лишь чуть повысил голос:

— Фэн Ван.

Слуга возник за его спиной бесшумно, точно привидение. В руках он держал поднос, на котором стоял изящный кубок из белого нефрита. Передав вино господину, Фэн Ван так же незаметно растворился в тенях.

Гу Суйчжи приткнулся к краю кубка, а затем коротко приказал:

— Подойдите ближе, Ваше Высочество.

Мо Сюнь замер, не решаясь сдвинуться с места. Евнух нетерпеливо цыкнул и, ухватив юношу за пояс, бесцеремонно подтянул его к себе. После этого он слегка развернулся, словно загромождавая принца от чужих взглядов.

— Ты что...

Мо Сюнь хотел было спросить, что происходит, но слова застряли в горле. Он увидел, как Гу Суйчжи опустил указательный палец в вино. Призрачная белая пыльца соскользнула с его кожи и мгновенно растворилась в прозрачной влаге. Юноша смотрел на это, не в силах отвести глаз.

В романе упоминалось, что Гу Суйчжи сведущ в медицине. Он умело сочетал благовония с пищей императора, превращая жизнь государя в медленное, мучительное угасание. Но Мо Сюнь и представить не мог, что тот решится подсыпать отраву прямо у него на глазах.

Когда порошок окончательно истаял, вино снова стало чистым, как слеза. Гу Суйчжи поднял взгляд на принца. Он снова потянул юношу за пояс, заставляя прижаться почти вплотную.

Мо Сюнь почувствовал густой аромат холодной сливы, исходящий от его одежд. Их бедра соприкасались.

— Слишком тесно...

Мо Сюнь попытался отступить, но рука евнуха легла ему на спину, не давая шелохнуться. В следующее мгновение кубок коснулся его губ.

— Не желаете ли пригубить, Ваше Высочество?

Мо Сюнь: «...»

Так вот оно что. Вот почему он так нагло действовал, не боясь свидетелей. Он собирался

напоить этим его!

«Ну конечно, — горько усмехнулся про себя юноша, — я же дурак, мне всё можно всучить»

В душе он осыпал евнуха всеми проклятиями, какие только знал, но лицо его осталось по-прежнему бестолковым. Он встретился взглядом с черными, глубокими, точно замерзшее озеро, глазами Гу Суйчжи, глуповато улыбнулся и открыл рот. Приникнув к краю нефритового кубка, он уже приготовился сделать глоток, как вдруг евнух резко отдернул руку.

Вместо вина Мо Сюню в рот сунули что-то круглое и твердое. Он недоуменно перекатил предмет языком.

— ...Сахар?

Зловещая усмешка на лице Гу Суйчжи стала отчетливей.

— Разумеется, сахар. Ваше Высочество ещё слишком юны, как я мог предложить вам вино?

Мо Сюнь: «...»

Пока он настраивался на яд, в голове пронеслась тысяча мыслей. Он решил, что это очередная проверка на верность, и уже приготовился к худшему, утешая себя тем, что Гу Суйчжи не станет убивать его на месте. А это оказалась просто издевка.

Мо Сюнь, не смея выказать гнев, принялся остервенело хрустеть леденцом. Помня о патологической любви евнуха к чистоте, он решил хоть немного отомстить: молниеносно выудил из рукава глиняного человечка и сунул его прямо в руки Гу Суйчжи.

— Хе-хе, гляди, — добавил он, — крошится.

Гу Суйчжи: «...»

Он брезгливо зажал уродливое нечто двумя пальцами.

— Фэн Ван.

Слуга тут же принял «подарок». Евнух помедлил и бросил:

— Сохрани. Положи к остальному хламу, что притащил Маленький принц.

Фэн Ван едва сдержал смешок. С трудом сохраняя бесстрашие, он коротко поклонился и подтвердил приказ.

Мо Сюнь больше не желал оставаться здесь ни секунды. Пользуясь тем, что Гу Суйчжи отвлекся на слугу, он бочком пошел прочь. Но не успел он сделать и пары шагов, как его снова бесцеремонно сцапали за шкуру.

Юноша скорчил жалобную мину:

— Ну чего опять! У меня дела! Иди поиграй с кем-нибудь другим!

— Если Ваше Высочество окажут мне одну маленькую услугу, я обещаю больше вас не тревожить. Сегодня.

Гу Суйчжи вложил кубок в руку Мо Сюня. Обхватив юношу за плечи, он развернул его лицом к центру зала, где старый император, бесстыдно тиская наложницу, слился с ней в долгом поцелуе. Ледяной голос прошептал принцу на самое ухо:

— Отнесите это вино государю. Пусть выпьет.

Мо Сюнь вернулся на свое место подле императора, бережно сжимая кубок. Отсутствовал он совсем недолго.

Мо Чэнцзин всё еще беседовал с родней; Мо Хэмяо травил анекдоты в кругу столичных франтов; Фан Лин уже добыл для сестренки заветную ветку с багряными листьями. Теперь девочка бегала с другими детьми, а маркиз, лениво перебирая пальцами меховой брелок на поясе, поглядывал в сторону Мо Сюня. Когда их взгляды встретились, юноша широко и глупо улыбнулся, на что Фан Лин лишь закатил глаза и отвернулся.

Собравшись с духом, Мо Сюнь дернул императора за рукав. Тот нехотя выпустил красавицу из объятий и посмотрел на сына. Принц протянул ему сладость:

— На.

— Это мне? — удивился государь.

Мо Сюнь усердно закивал:

— Вкусно... Ешь...

На лице императора отразилось изумление, смешанное с радостью:

— Надо же, отведал лакомства и о родителе не забыл... Хороший мальчик, А-Сюнь. Вижу, не зря я тебя баловал.

Стоило ему проглотить угощение, как Мо Сюнь тут же подsunул еще одно:

— И это тоже... вкусно.

Император был растроган до глубины души. Он один за другим съел четыре кусочка, после чего замахал руками, показывая, что больше в него не влезет. Тут его взгляд упал на кубок в руках сына.

— А это? Тоже мне?

Мо Сюнь на мгновение замешкался. Он знал, что в вине подмешано отнюдь не безобидное снадобье, и пальцы его едва заметно дрогнули. Но не успел он вымолвить ни слова, как император перехватил кубок и осушил его одним глотком.

— Чжанъинь?

Линь Мань, губернатор Учжоу, замер в ожидании. Гу Суйчжи, как и всегда, сохранял на лице ту самую вкрадчивую, непроницаемую усмешку. Но сегодня что-то было не так. Линь Мань кожей чувствовал: этот смех стал холоднее, чем обычно.

Линь Мань был замешан в деле о хищениях. Его подчиненные при строительстве речных дамб прикарманили огромные суммы, и в столицу полетели доносы. Но Гу Суйчжи, прибравший к рукам всю власть, просто складывал эти бумаги в стол, выжидая. Губернатор прекрасно знал, чего ждет всесильный евнух, и прибыл в Сюаньду с щедрыми взятками и намеками на редкие шедевры живописи.

Заметив, что Гу Суйчжи замолчал, Линь Мань проследил за его взглядом. Он увидел Мо Сюня — прекрасного маленького принца с пустыми глазами. Говорили, тот упал в воду, ударился головой о камень и совсем лишился рассудка.

Банкет продолжался до глубокой ночи. Когда принцесса заснула, а другие знатные дети начали капризничать от усталости, старый император внезапно вспылил:

— Вина выпито мало, танцев показано еще меньше, а вы уже собрались уходить! Сговорились против меня?!

Он в ярости вскочил, опрокинув яства и кубки. Но тут вперед шагнула алая фигура.

— Ваше Величество, — негромко произнес Гу Суйчжи. — Те две красавицы, о которых вы просили, уже давно ждут в ваших покоях. Быть может, государю стоит вернуться?

Гнев императора тут же сменился предвкушением. Поддерживаемый евнухом, он покинул зал, и на этом пышное празднество наконец завершилось.

Мо Сюнь, сладко зевнув, поднялся с места. Он уже собирался уйти, как вдруг Мо Хэмяо схватил его за воротник.

— Маленький дурачок, даже со вторым братом не попрощаешься?

— Покушали? Пospали? — послушно выдал Мо Сюнь.

Второй принц шутливо потянул его за ухо:

— Хоть раз назови меня «вторым братом», как Пятый!

Пока они препирались, подошел Мо Чэнцзин.

— Второй брат, отпусти А-Сюня, ему пора отдыхать.

Мо Хэмяо помрачнел, увидев старшего брата. Но Мо Сюнь прервал их нарастающую перепалку, широко распахнув свои «персиковые» глаза:

— Большой брат, второй брат, опять драка?

Оба принца тут же вспомнили прошлый раз, когда этот «дурачок» заставил их держаться за руки и хором обещать больше никогда не ссориться. Они мгновенно разошлись в разные стороны.

Вернувшись во дворец Юйсю, Мо Сюнь позволил Ян Ло снять с него все драгоценные украшения. Как только служанка вышла, юноша нырнул под одеяло и задрожал.

Страх запоздало накрыл его. Перед глазами стояла сцена: старый император, осушающий отравленный кубок, и Гу Суйчжи, наблюдающий за этим из тени своим ледяным взглядом.

На следующее утро Мо Сюнь вызвали в зал Возвращения Сердца. Император выглядел бодрым, что немного успокоило юношу, но следующие слова государя заставили его сердце уйти в пятки.

— А-Сюнь, — сказал император. — Я тут подумал... В народе говорят, что свадьба приносит удачу и отгоняет хвори. Быть может, если ты женишься, твой недуг пройдет? Хочешь, я найду тебе невесту?

Мо Сюнь покосился на Гу Суйчжи, но тот лишь безмятежно улыбался, глядя в окно.

— Не хочу! — закричал Мо Сюнь, начав громко плакать и капризничать.

Старый император лишь рассмеялся, приняв это за детскую выходку, и велел принести списки знатных девиц. В отчаянии Мо Сюнь объявил голодовку. Правда, потихоньку шепнул Ян Ло:

— Я съем всего две чашки риса, а ты всем скажи, что я вообще ничего не ел, ладно?

Через день к нему пришел Гу Суйчжи. Он принес изысканные угощения и, проигнорировав протесты принца, принялся кормить его с рук.

— Ваше Высочество, здоровье важнее всего, — мягко говорил евнух, поднося к его губам кусочек засахаренного корня лотоса.

— Гу Суйчжи, ты мой песик, и я... я не хочу жениться!

Евнух пропустил «песика» мимо ушей.

— А что, если я сделаю так, что Его Величество передумает? — вкрадчиво спросил он. — Чем Ваше Высочество оплатит мне за это?

Мо Сюнь долго думал и выдал:

— Я скажу тебе «спасибо» сто раз!

Гу Суйчжи лишь усмехнулся. Ему не нужны были слова. Он хотел преданного, послушного зверька.

Прошло несколько дней. Хотя император больше не давил на сына, слухи о поиске невесты не утихали. Знатные семьи наперебой присылали портреты своих дочерей. Мо Сюнь, верный

своей роли, провел ночь, подрисовывая каждой красавице на картинах жирные усы.

Мо Хэмяо, услышав об этом, примчался посмотреть на «художества» и предложил брату прогуляться по городу.

В ресторане их ждал Фан Лин. Молодой маркиз выглядел безупречно, но при виде Мо Сюня лишь фыркнул.

— Мои поздравления, Ваше Высочество, — ехидно заметил Мо Хэмяо, потягивая вино. — Говорят, Чжанъинь Гу Суйчжи так очарован вашим аппетитом, что лично кормит вас во дворце.

Фан Лин промолчал, лишь крепче сжал чашку. Второй принц, уже заметно захмелевший, начал расспрашивать Мо Сюня о невестах, пытаясь выведать, чьи портреты ему присылали — он явно хотел понять, какие семьи пытаются через этот брак сблизиться с императором.

— Я помню только, что у них у всех были волосы, глаза и носы, — честно ответил Мо Сюнь.

Мо Хэмяо поперхнулся вином. А Фан Лин вдруг серьезно добавил:

— Если надумаешь жениться, не выбирай ту, у которой родинка под глазом. Это моя сестра, и я тебе не советую.

Мо Сюнь лишь рассмеялся:

— Не беспокойтесь. Мудрецы не влюбляются, они строят великую страну. Я ни на ком не женюсь.

Фэн Ван, вернувшись в покои Гу Суйчжи, застал господина в странном настроении. Евнух молча слушал отчет о том, что Мо Сюнь гулял с братьями и Фан Лином, что принца хвалили за аппетит и что маркиз Фан предостерегал его от брака со своей сестрой.

Гу Суйчжи смотрел на лист бумаги, где его рука сама собой вывела слово «Остолоп». Он намеренно скрыл от принца, что император уже почти отказался от идеи свадьбы, желая посмотреть, кто еще из знати попытается заявить свои права на «игрушку». Но слышать о том, как его подопечный «зверек» ластится к другим, было неприятно.

— Описать имущество Линь Маня, — коротко бросил он Фэн Вану. — И наложить опалу.

Евнух снова посмотрел на Мо Сюня. Линь Мань ошибался, считая, что он его ненавидит. О да, он ненавидел прежнего принца. Но нынешний Мо Сюнь был для него совершенно иным существом. Его личным питомцем, которого он собирался баловать и мучить по своему вкусу.

— Я всё объясню! — Гу Суйчжи мгновенно сменил тон на примирительный. — Ты и впрямь не можешь так рисковать. Твои меридианы слишком хрупки, они просто не выдержат такой нагрузки.

Линь Му вздохнул, и на его губах промелькнула едва заметная тень улыбки.

— Я ведь уже сказал, — мягко произнес он, — вы замечательный человек. Просто мы друг другу не подходим.

Гу Суйчжи уныло спрятал руки в рукава, словно на него обрушились все невзгоды мира. Линь Му вернул подвеску на место и бережно закрепил её на запястье. Тонкая красная нить обхватила белую кожу, слегка вдавливаясь в плоть. Он замер, невольно вспомнив ту сцену, что увидел, откинув одеяло. Дыхание снова перехватило.

Линь Му стиснул зубы.

— Нет, — прошептал он, — вы вовсе не хороший человек!

<http://bllate.org/book/15862/1439867>